

Василий Буславьевич (Молодость, учение, расправа с новгородцами, путешествие и смерть) (3)

А дак прежде Резань да слободой слыла,
Да и нониче Резань да словёт городом.
А во той во Резанюшки, славном городе,
Там жил-был Буславьюшко — состарилсэ,
А состарилсэ Буславьюшко — представилсэ.
Оставалась у Буславьюшка любима семья,
А любимая семейка, да молода жена —
Прическа вдова Омельфа да Тимофеевна.
Оставалось у Буславьюшка цядышко милоё,
Ише милоё цядышко любимое —
Оставалсэ Василей да сын Буславьевич,
Оставалсэ от Буславьюшка Васенька трёх годов.
Да и ходит играть Васька на улицу,
Да и ходит играть Васька с робятами.
Не по-доброму играт он, не по-хорошему:
Кого за руку хватит — да руку выдернёт,
Кого за ногу хватит — да ногу выхватит,
А вперёд кого пехнёт — дак живота лишит.
Тут узнали мужики-ти новгородяна —
Тут приходят мужики-ти новгородяны
К причесной вдовы к Омельфы да Тимофеевны,
Как приносят они на Ваську жалобу:
«Прическа вдова Омельфа да Тимофеевна!
Ты уйми-тко, уйми своё цядо милоё,
Укроти у Василья серцо ретивоё!
Ишше ты не уймёшь — дак мы сами уймём:
Уж мы купим как зелья на петьсот рублей —
Улешим мы у Васеньки свету белого,
Укоротам у Васьки да веку долгого,
Придаём мы Васильюшку смёртку скорую!»
Ише тут-то Василью да за беду стало,
За великую досаду да показалосе.

Говорил тут Василей да таково слово:
«Уж ты ой еси, маменька моя родимая,
Прическа вдова Омельфа да Тимофеевна!
Ты отдай меня, матушка, во училище,
Во училище отдай меня за учителя —
Да учицьце мне грамотку тарханьскую,
А тарханьскую грамотку богатырскую.
Уж я выучусь грамотку тарханьскую,
Я тарханьскую грамотку богатырскую —
Я тогда с мужиками да приуправлюсе!»
Ише тут его маменька не-й ослушалась,
Отдала его маменька за учителя —
Как учицьсе ему грамотку тарханьскую.
Ише скоро Васьки та грамотка в ум далась,
А скоре того Васильюшку в разум понялась:
Изуцилса Васька грамотку тарханьскую.
Тут выходит Василей да из училища,
Тут приходит Василей да ко красну крыльцю.
Тут Василей на крылецюш[к]о да знимаицьсе —
Как ступешек до ступешка догибаицьсе;
По новым сеням идёт — сени выгибаюцьсе.
Заходил же Василей да светлую светлицю,
Уж брал же Василей да золоты ключи,
Отмыкал же Василей да сондуки-ти все,
Ише три сондука да окованные:
Как первой-от сондук да с красным золотом,
Как второй сондук с окатным жемцюгом,
А третьей сондук да с цистым серебром.
Поцерпнул он цяшу да красного золота,
А втору поцерпнул да скатного жемцюга,
Ише третью почерпнул да чистого серебра.
Да пошел же Васильюшко вдоль по уличи —
Приворацивал Васенька на царев кабак.
Забирал же Васильюшко зелена вина,
Он не много и не мало — три сороковоцьки.
Он и перву соро[ко]вку да на плецё здынул,
Он втору соро[ко]вку да взял под пазуху,
Он и третью соро[ко]воцьку ногой катил.
Да приходит Васильюшко к своему двору,

Да приходит Васильюшко ко красну крыльчу.
На красно крыльчѣ Васильюшко зазнимаицьсѣ —
Как ступешек до ступешка до[а] догибаицьсѣ;
По новым сеням идѣт — сени выгибаюцьсѣ.
Заходил же Василей да на широкой двор —
Как поддѣрнул он чан да среди двора,
Выливал в этот чан все сороковочки,
Как спустил в этот чан чарочку серебряну,
Не велику, не малу — да полтара ведра.
А на цяроцьки всё было подписано:
«А-й ишше хто же эту цярочку примет единой рукой,
Ишше хто же эту цярочку выпьѣт к едину духу,
Ишше тот же Василью будѣт крестовой брат».
Написал он ёрлоки-ти да скорописьмянны,
Розмѣтал он ерлоки-ти по Новому граду.
Находил-де ёрлык Потанька Хроменькой,
Находил-де ёрлык Ерѣмка Храбрынькой,
Находил же ерлык Олѣшенька Поповиц млад,
Находили ерлыки мужики-новгородяна.
Тут приходит Потанюшка на почесьѣн пир,
Тут Потанька на крылецюшко зазнимаицьсѣ —
А ступешек до ступешка догибаицьсѣ;
По новым сеням идѣт — сени выгибаюцьсѣ.
Тут приходит Ерѣмка да на почесьѣн пир,
Тут Ерѣмка на крылецюшко зазнимаицьсѣ —
А ступешек до ступешка догибаицьсѣ;
По новым сеням идѣт — сени выгибаюцьсѣ.
Тут приходит Олѣшенька на почесьѣн пир,
Олексей-от на крылецько зазнимаицьсѣ —
Как ступешек до ступешка догибаицьсѣ.
Тут приходят мужики-ти на почесьѣн пир,
Мужики-ти на крыльцо-то да поднимаюцьсѣ —
Да ступень-от до ступеня не догибаицьсѣ;
По новым сеням идут — сени не дрыгают.
Наливал же Васильюшко цяру зелена вина,
Подавал он Потанюшки-то Хромому.
Как примаѣт Потанюшка единой рукой —
Выпивает Потанюшка к едину духу.
Наливал же Василей да цяру во второй након,

Подавал он Ерёмки да всё ведь Храброму.
Как примаёт Ерёмка да единой рукой —
Выпивает Ерёмка да к едину духу.
Наливал же Василей да цяру во третьей након,
Подавал он Олешеньки Поповичу.
Да прымает Олешенька единой рукой —
Выпивает Олешенька к едину духу.
Наливал же Васильюшко чару во четвёртой раз,
Подавал мужикам-новгородянам.
Как прымали мужики-ти да они впéтером,
Выпивали мужики-ти да всё десéтером —
Ишше тут все мужики-ти да присваилисье.
Тут Василей-от по двору похаживат,
Ише сам из рецей да выговарыват:
«Я тепере с мужиками да приуправлюсе!»
Ише брал же Васильюшко востру саблю,
Ише сек он мужиков да буйны головы.
Ише тут мужикам ноньче славы поют.
Выходили вси молочьчики на улицу,
Да и стали молочьчики боротисе,
Они пробовать силушку у друг друга:
Во-первых-де, Потанюшка с Васильюшком,
Во-вторых-де, Ерёмочка с Олешенькой.
Они билисе-дралисье да трои суточки —
Они сами-то друг дружку не ранили.
Отступились они бицьсе, да больше дратисе —
Назвались они братьями крестовыма,
Ишше стали срежацьсе да в путь-дорожечку.
Да пошли же ребята да вдоль по улице:
Впереди идёт Василей да сын Буславьевиць,
Назади идёт Олешенька Поповиць млад.
Да идут-то рыбаца путём-дорогою,
Да приходят рыбацка к огнянной горы.
Говорит тут Василей да таково слово:
«Уж мы все же ведь, браццы, да всё перескоцим,
Только жаль нам Потанюшки-то Хромого!»
Как Ерёмушка скочил вперёд — да перескочил;
Как Олешенька скочил — да все[ё] перескоцил;
А Потанюшка скочил — да он полегце всех.

Да Васильюшко скоцил — не мог перескоцить:
Да скоцил-то Василей на огнянну гору —
Да сгорел тут Васильюшко в огнянной горы.
Ише тут же Васильюшку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 22 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.